

ных отрицательных свойств оформляются такими окончаниями, которые свойственны женскому роду: ср. лат. *scriba* „писец“, ср. также русск. *розля, мямля*» (стр. 62—63).

Та же необоснованная социологизация наблюдается в рассуждениях о формах среднего рода. «Поскольку средний род, — пишет автор, — обозначал такие предметы, которые сами не действуют, а являются лишь объектом действия, занимают лишь подчиненное положение, к среднему роду легко могли отходить и отходили слова уничижительного значения, а с ними в некоторых случаях и имена, характеризующиеся и другими значениями, так или иначе связанными с уменьшительными» (стр. 114).

Таким образом, у автора нет продуманных взглядов по вопросу о характере закономерности морфологических процессов в истории русского языка, представления его об отмирании элементов старого качества и о возникновении элементов нового качества бедны и сбивчивы, его суждения о связи развития грамматического строя с общественными условиями не всегда верны.

6

Курс исторической морфологии П. С. Кузнецова — учебник. В нем должны быть учтены достижения науки о русском языке со времени выхода в свет курсов по истории русского языка А. И. Соболевского, А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново. В учебнике должна быть соблюдена соразмерность его частей, методичность и четкость изложения.

И в этом отношении работа П. С. Кузнецова нуждается в серьезной доработке. Автор очень мало использовал отдельные исследования и в особенности диссертационные работы по вопросам исторической морфологии русского языка.

Книга переполнена рассуждениями автора по отдельным вопросам истории русского языка, но бедна фактическим материалом. Отдельные части курса не пропорциональны, причем несоразмерность частей не может быть объяснена состоянием науки о русском языке. Истории наречий автор отвел три неполные страницы, тогда как в исторической грамматике русского языка Ф. И. Буслаева, изданной около ста лет назад, этому вопросу отведено десять страниц. Историю предлогов, союзов, частиц и междометий автор вообще не излагает. История имен числительных и местоимений дана в самом сжатом виде; между тем истории глагола автор отвел около ста страниц из двухсотпятидесяти, посвященных истории всех частей речи.

Стиль работы удовлетворительный, погрешности встречаются редко; см., например, неудачную формулировку: «В Московских памятниках XVI в. мы находим, правда, по С. Д. Никифорову, некоторые примеры, которые можно было бы истолковать как примеры прямого дополнения при страдательном причастии, но примеры сплошь спорные» (стр. 276).

*

Итак, лекции по исторической морфологии русского языка проф. П. С. Кузнецова в настоящем их виде не свободны от серьезных недочетов. В них имеются недостатки общетеоретического характера. В отдельных случаях методы объяснения явлений языка не отличаются научностью, а сообщаемые сведения — точностью. Однако и в этом виде книгу проф. П. С. Кузнецова с пользой для себя прочтут преподаватели вузов, занимающиеся вопросами исторической грамматики русского языка.

Г. П. Ломтеев

A. Lamprecht. *Středoopavské nářečí*.—Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1953. 115 стр., 1 карта.

Книга Арношта Лампрехта «Среднеопавские говоры» представляет собою описание фонетической и грамматической системы группы говоров чешской Силезии, которые до сих пор оставались почти совершенно неизученными. В связи с этим для характеристики среднеопавских говоров приходилось пользоваться трудом Фр. Бартоша «*Dialektologie moravská*» (I. 1886, II, 1895), в котором представлен говор только одного населенного пункта из числа среднеопавских говоров. Использовали также и работу Б. Гавранека «*Česká nářečí*», дающую лишь

самую общую характеристику среднеопавских говоров в системе ляхского диалекта. Поэтому весьма положительным фактом является выход в свет работы А. Лампрехта, в которой подробно охарактеризована группа говоров одного из пограничных диалектов чешского языка.

Рецензируемая книга начинается с описания фонетики. В этом разделе сначала дается краткая характеристика современной звуковой системы среднеопавских говоров с указанием особенностей, которыми данные говоры отличаются от литературного языка. Затем звуки среднеопавских говоров рассматриваются с точки зрения их происхождения. При этом автор педантически следует общепринятой схеме описания фонетики, обычной в исторических грамматиках чешского языка, т. е. сначала рассматривает соответствия между звуками среднеопавских говоров и общеславянского языка и других языков индоевропейской системы, а затем особо останавливается на звуковых соответствиях говоров и прачешского языка. Далее получают свою характеристику комбинаторные изменения групп согласных, слогораздел, количество слога и ударение.

В предисловии к настоящей работе автор замечает, что он ставит своей целью описать «новый конкретный материал в изучаемой им области, который мог бы быть исходным пунктом для дальнейших работ, освещающих современное состояние говоров с точки зрения их исторического развития в прошлом» (стр. 6). Здесь же автор специально останавливается также на вопросе о том, почему именно фонетика изучаемых говоров дается им с точки зрения ее исторического развития. По его мнению, это способствует лучшему использованию описываемого материала при сравнительном изучении славянских языков. Однако если исходить из основной задачи работы — описания современного состояния определенной группы говоров, то доводы автора представляются нам неубедительными, а подобный способ изложения одного только фонетического материала по традиционной схеме, необходимой и уместной для исторической грамматики, в целом неоправданным.

Во II разделе книги, посвященном словообразованию (стр. 37—41), приводится очень интересный, хотя и весьма незначительный по объему материал по именовому словообразованию в системе среднеопавских говоров. В отличие от предыдущего раздела, где фонетические данные подвергались сравнению в ряде направлений и в том числе с данными чешского литературного или общеразговорного языка, для данных по словообразованию такое сопоставление отсутствует. Между тем было бы целесообразно выделить как словообразовательные суффиксы, свойственные только изучаемым говорам, так и те, которые свойственны также и литературному языку. См., например, на стр. 37 образование женских фамилий от мужских при помощи суффиксов *-ula*, *-ena*, не свойственных чешскому литературному языку, и т. д.

Раздел «Морфология» (стр. 42—67) содержит подробную характеристику современных типов склонения имен существительных, прилагательных, местоимений, числительных и спряжения глаголов. Здесь собран богатый фактический материал, тщательно систематизированный автором. Однако нам представляется, что анализ этого материала мог бы быть более глубоким как в плане сопоставления его с данными других опавских говоров и литературного языка, так и в плане обобщения и описания выводов, к которым пришел автор в связи с изучением отдельных явлений морфологии.

В разделе «Синтаксис» (стр. 68—90) автор выделяет, как более общие, вопросы, связанные с определением типов предложения и способов выражения различных синтаксических связей в среднеопавских говорах, и как более частные — вопросы определения реальных значений различных грамматических категорий.

В конце книги помещены диалектологические тексты, собранные автором, и карта среднеопавских говоров с указанием границ отдельных диалектных явлений.

Богатый материал, систематизированный и обобщенный автором в настоящей книге, позволяет ему в заключительной главе «Общая характеристика среднеопавских говоров» (стр. 91—100) сделать вывод о том, что по ряду основных фонетических и грамматических черт среднеопавские говоры относятся к ляхскому диалекту, и вместе с тем выяснить характерные черты, выделяющие их в ряду других ляхских говоров, уточнить границы некоторых языковых явлений. Так, например, неразличение гласных по долготе и краткости, наличие звуков *i* и *y*, различение *l* среднего и *l* твердого, ударение в слове на предпоследнем слоге, унификация падежных окончаний в дательном, местном и творительном падежах множественного числа для всех трех родов имен существительных, употребление в функции винительного падежа форм родительного падежа (во множественном числе) для личных существительных и т. д. — все это те черты, по которым данные говоры должны быть отнесены к ляхскому диалекту. Вместе с тем автором установлено, что среднеопавские говоры выделяются среди других ляхских говоров рядом особых черт. Так, например, бывшее *o* долгое здесь последовательно заменялось *u* кратким, независимо от фонетических условий; употребление *i* или *y* обусловлено предшествующим согласным, и, таким образом, функционального совпадения этих звуков с соответствующими звуками в других ляхских говорах тоже

нет; унификация падежных окончаний проведена не столь последовательно, как в окружающих говорах, и т. д.

Результаты проведенного А. Лампрехтом исследования очень интересны и имеют большое значение для истории чешского языка, для чешской диалектологии. Нельзя только вполне согласиться с методом подачи материала, представленным в книге. Выше было сказано, что изученные автором говоры отмечены рядом общих всем им фонетических, грамматических и лексических черт. Это позволило автору объединить данные говоры отдельных селений и представить их в общем описании как целостную систему. Сам по себе факт подобного обобщения материала возражения не вызывает, но при таком обобщении, конечно, должна была быть сохранена строгая паспортизация всего приводимого материала, чтобы читатель всегда мог представить себе, где записаны те или иные факты.

Е. В. Немченко